

ГДЕ ДОСТАТЬ книгу Колосовой? — Вы не читали еще «Я встретил Вас...»?

— В магазинах разошлась за один день, на складах ни одного экземпляра не осталось.

— В библиотеках сейчас нет, надо записываться в очередь.

Книга Н. Колосовой «Я встретил Вас...» (издательство «Московский рабочий», 1983), посвященная (цитирую предисловие) «любви в жизни великих русских писателей», конечно, уже до выхода в свет самим выбором темы была обречена на популярность. Так и произошло: пятидесятилетний тираж мигом «разлетелся»; лишний раз подтвердилось, что интерес к личной жизни классиков у публики не остыл. Интерес этот, видимо, следует уважать, и я не склонен смеиваться над его любовью к популярности. Но вот беда: довольно часто приходится убеждаться, что люди, готовые до хрипоты обсуждать, любили ли Пушкин Александру Гончарову, встают в тупик при вопросе об историко-философском содержании «Бориса Годунова» (последний раз читали в школе), а энтузиасты, тратящие свой отпуск на поездки в Пятигорск и обмер места дуэли (с целью выяснить, не стреляли ли в Лермонтова из-за кустов), порой и вовсе не читали «Вадима»... И наоборот: те, для кого книги Пушкина или Лермонтова стали воистину спутниками всей жизни, обычно довольно сдержанно относятся к подобному рода «тайнам» и «сенсациям», предпочитая в свободную минуту перечитать бессмертные строки (и находя, кстати, именно там единственно верные ответы на все вопросы). Но оставим, однако, выяснение причин столь странного несоответствия в стороне. Обратимся к книгам, авторы которых берутся за воссоздание так называемой «личной жизни» классиков русской литературы.

И в первую очередь задумывается о колоссальной ответственности этих авторов. При том громадном интересе, который вызывают публикации подобного рода, при том доверии к печатному слову, какое существует у наших читателей, как же осторожно, не семь, а сотни раз отмерив, нужно писать о том или ином эпизоде из жизни Пушкина, Чехова, Толстого. Ведь если специалист, знающий предмет со всех сторон, примет твой рассказ как одну из возможных версий, то простой читатель, возможно, только твою книгу или статью по данной теме и прочтет, и, несмотря на все оговорки, твоя концепция останется в его сознании на всю жизнь. Ее будет пересказывать он детям, которые, быть может, и не читавши еще Пушкина или Толстого толком, будут думать о нем так, как ты в свое время предложил.

Речь сейчас идет даже не о неточностях или искажениях каких-то фактических данных, хотя и это существенный недостаток «популярного литературоведения». Речь о предмете более тонком.

Писательство в истории отечественной культуры всегда было не просто профессией, но неким нравственным статусом, судьба писателя служила жизненным образцом для многих и многих людей. Это хорошо понимал Достоевский: «Представь себе, что бы было, если б Лев Толстой, Гончаров оказались бы бесчестными? Какой соблазн, какой цинизм, и как многие бы соблазнились. Скажут: «если уж эти, то... и т. д.». И поныне для нас Пушкин и Толстой, Лермонтов и Гончаров являются учителями жизни не только в своих книгах, но и в своей личной судьбе. Этого нельзя не учитывать.

ПО ПРОЧТЕНИИ книги Н. Колосовой в душе остается таяко-тоскливое ощущение.

Как же все было суетно, мелко, несчастьливо и мучительно до надрыва в личной жизни наших классиков! «Гщеславие светского человека» лишило спокойствия Пушкина в его браке с Натальей Гончаровой — «грязиткой» (как ни пытается уверить нас автор, слово это означает отнюдь не только «наивная и простая девушка»). Кроме того, ему постоянно приходилось «успокаивать» жену «что по поводу (? — К. С.) графини Сокологуб, то Смирновой или других «знакомых дам». Впрочем, Наталья Николаевна, видимо, была не столь уж несправедлива («в своих подозрениях»: «Пушкин был поэт, а у нее, по его собственным словам, было «пречуткое сердце...» (уж и не знаю, синонимом чего является здесь слово «поэт»?); Тютчев, уверяя в своей любви первую жену, шлет восторженные послания другой женщине, которая вскоре станет его второй женой; уже будучи в этом втором браке, живет не с семьей, а с любовницей, которая, во многом по его вине, в возрасте 38 лет сходит в могилу. Но этому не стоит особо удивляться: «натура поэта была чужда постоянства, больше того, в его сердце могли одновременно царить две (только ли две?) привязанности». Чехов никак не хочет «зарегистрировать» свои отношения с О. Книппер, всячески увиливает и, подобно Подколесину, «пытается чуть-чуть оттянуть неизбежное». Но наконец актриса добивается своего, на века присоединившись к «ореолу» гения, и тут же бросает больного писателя одного в Ялте, продолжая кутить в столицах с друзьями... Личная жизнь Блоков представляла собой череду взаимных измен и скандалов; публике были известны стихи о Прекрасной Даме, а в дневнике Блок записывал о Л. Д. Менделеевой полные холодной ненависти слова. И т. д. и т. п.

Да, но это же факты! — возражает мне. Все повествование строится у Н. Колосовой в основном на документах: письмах, дневниках, воспоминаниях современников. Давно, впрочем, было замечено, что в исследованиях подобного рода, «несмотря на толстый свод самых доподлинных документов и «показаний современников», Пушкин подчас выходит не Пушкин, а Ноздрев!» Почему? Попробуем разобраться.

Было бы ханжество настаивать на ограничении жизнеописаний великих людей лишь пределами их рабочего кабинета — личной жизнью великого человека после его смерти уже не принадлежит ему. Стидливые умолчания принесли бы только большое вред. Да и цель у книги Н. Колосовой и у других книг подобного рода вполне благородная: способствовать тому, чтобы читатель стал «чуть-чуть» ближе к судьбам А. С. Пушкина и А. Н. Толстого, А. П. Чехова и А. К. Толстого, Ф. И. Тютчева и А. А. Блока», наполнить «новым смыслом... известные уже произведения «любимых писателей». Но решаются ли эти задачи? «Ближе» нам Пушкин и Толстой может быть, и стали (достижение ли это, однако?), а вот понятнее...

Помню, как поразила меня однажды

фраза из очерка, посвященного взаимоотношениям Достоевского и Некрасова: «подходя к дому умершего Некрасова, Достоевский усилием воли выбросил из головы «незначительные мыслишки».

Так что же, великий человек велик всегда и у него вовсе не может быть «незначительных мыслишек», суетных желаний, не совсем, мягко говоря, образцовых поступков? Нет, конечно, ведь сказано: «Пока не требует поэта...» Тогда, видимо, нужно вспомнить другую пушкинскую мысль: «Толпа жадно читает исповеди, записки etc., потому что в подлости своей радуется унижению высокого, слабостям могущего... Он мал, как мы, он мерзок, как мы!» Врете, подлец: он и мал, и мерзок — не так, как вы — иначе.

Но, увы, мудрое суждение это от долгого и частого употребления превратилось ныне в «общее место» и с годами все хуже «работает» в подобных случаях. Вернее, с ним научились работать авторы биографий великих людей. Делается это так: жизнеописание гения, полное всяческих дряг и суеты — измен, обманов, несправедливостей и пр... — берется как бы в скобки, а перед скобками (или после) в виде некоего коэффциента ставится: «не так, как вы (читатели) — иначе». Благо, Пушкин не раскрыл, как это — «иначе». По мнению Н. Колосовой, «слабости» классиков «нуждаются не в снисхождении, но в попытке их понять, соотнося именно с величием».

Здесь интересно вот это словечко: «соотнося». В нем, собственно, ключ. При таком подходе «бытовая жизнь» писателя и его творчество разделяются как нечто сосуществующее, в лучшем случае произведение рассматриваются как иллюстрация к жизни или, наоборот, жизнь — как вспомо-

При всем том книги Н. Колосовой и Ю. Когинова являют собой отнюдь не худшие образцы подобного жанра — скорее, наоборот. К достоинствам этих произведений следует отнести достаточно высокую квалифицированность их авторов и стремление все же избежать по мере возможности смакования скабресных подробностей. Но самый подход к избранному предмету оказался неверен — и никакие новые смыслы не открылись (кроме «нового смысла» слова «поэт»), а пожалуй что заземнились старые, истинные.

ЕСЛИ в произведениях Ю. Когинова и Н. Колосовой классики сведены до уровня наших соседей по лестничной клетке (не из-за отсутствия должного пиетета — он в избытке, но, повторяю, самим выбором темы и подходом к ней), то Р. Штильмарк, автор повести об А. Н. Островском «За Москвой-рекой» (издательство «Молодая гвардия», 1983), старается по возможности смотреть на своего героя снизу вверх. Он подробно описывает, так сказать, подготовительный этап творческого процесса — поездки Островского по России, беседы с мужиками, купцами и священниками, собиравшие образных и диалектных выражений. Но основного — самого творческого процесса (отнюдь не ограниченного, конечно, сидением над бумажным листом) — нет и здесь. В первой части книги Р. Штильмарк приводит одну из дневниковых записей Островского: «Поужинали в трактире, в котором очень чисто и все чрезвычайно дешево. Сегодня пишу». На этих словах дневник путешествия обрывается.

К сожалению, неизменно обрывается на этом этапе и постижение Р. Штильмарком судьбы Островского. Нельзя же в конце концов о самом главном в жизни писателя сообщить так: «К работе за столом драматург приступил 25 октября и ровно за один месяц закончил пьесу. 26 ноября он поставил точку... Той же осенью 1863 года окончена и появилась в журнале «Современник» пьеса «Тяжелые дни»... Годом позже драматург окончил пьесу «Шутники», а в январе следующего, 1865 года читал в доме у Некрасова «Сон на Волге», или «Воеводу»... Зимой Островский окончил «Пучину» — вещь многоплановую и трудную, она увидела свет рампы в Малом театре... К весне 1866-го драматург закончил историческую драму «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский»...»

Безусловно, с хроникой жизни Островского книга эта знакомит, но вот узнаем

Карен СТЕПАНЯН

СУЕТА

У ЧЕРНОГО

ХОДА

О «непостоянстве»
Пушкина,
«незначительных мыслишек»
Достоевского
и прочих бедах
популярного
литературоведения

гательный материал для понимания творчества. Как это выглядит на практике? Воспользуемся для наглядности примером из выпущенного в 1983 году издательством «Советский писатель» романа-хроники Ю. Когинова «Вещая душа», повествующего о жизни Ф. И. Тютчева и членов его семьи (оговорюсь, что роль скоро произведение это более чем наполовину посвящено дочери поэта Мари, я не говорю здесь о книге в целом, выделяя лишь одну ее сюжетную линию, непосредственно связанную с Тютчевым). Вот как, оказывается, было создано знаменитое стихотворение Тютчева «О, этот Юг, о, эта Ницца!», построенное на горьком сравнении: «Жизнь, как подстреленная птица...» Шел Тютчев берегом моря в Ницце, будучи в подавленном состоянии (пришла весть о смерти любимой женщины), и неожиданно к его ногам упала чайка со сломанными крыльями. «Кончена ее жизнь! — подумал Тютчев, и слезы покатились у него из глаз. — Кончена птичья жизнь, как и моя собственная...» Далее следует стихотворение, аккуратно переписанное из собрания сочинений. Строки же «Вот бреду я вдоль большой дороги...» родились, когда поэт шел перед закатом по пыльному тракту. «Икры ног стало покалывать, сводить судорогой, ступни отяжелели... И вдруг, как монотонное гудение проводов там, наверху, в голове его возникла иная, не слышанная ранее ритмика... Ему даже показалось, что слова зарождаются не у него в голове, а слетают откуда-то с высоты». Затем опять-таки приведено соответствующее стихотворение (вновь, как и в первом случае, сразу в «беловом» варианте). В результате такого — весьма последовательно осуществленного — метода из повествования Ю. Когинова исчезает сам Тютчев. Остается старый, больной, слегка чудаковатый и наделенный довольно-таки тяжелым характером человек, который занят устройством дочерей, службой, конфликтами с женой, переживаниями, тоскливыми раскаянием, — а между делом пишет стихи. Причем дар это — рождают рифмованные строки — столь же не затрагивает его эстетства, как, скажем, умение двигать ушами. «Накатит», бывало, неведомо что, продиктует он подвернувшимся тут же жене или дочери очередной шедевр — и опять потекла серая, будничная жизнь. А порой, увлекшись описанием дипломатической деятельности своего героя, автор и вовсе заявляет: «Занятия поэзией в настоящих наших рассуждениях — не в счет». Так же — в виде иллюстраций к эпизодам личной жизни Менделеевой и Блока — приведены в книге Н. Колосовой стихи о Прекрасной Даме. А в главе о Чехове лишь глухо упоминается, что в описываемый период создавался «Вишневый сад».

ли мы его личность? Вне творчества это невозможно. Даже попытки реконструировать процесс создания той же «Пучины» были бы, ей-богу, ценнее для «сегодняшнего читателя», нежели сообщение о том, что в «роскошном доме князя Багратиони-Мухранского», где жил Островский в дни поездки в Грузию, ныне «размещен известный сельскохозяйственный техникум».

НО НЕ СЛИШКОМ ли многого требуем мы от таких книг? В упомянутых нами работах достаточно подробно и основательно освещены обстоятельства жизни великих писателей, восстановлен круг лиц, окружавших их в тот или иной период жизни, подробно приведены воспоминания современников. Конечно, этого достаточно? Да и существует ли вообще тот «философский камень», который позволил бы сплавить, слить воедино жизнь и творчество, показать жизнь как творчество, ибо сказано же Пушкиным: «Слова поэта суть уже его дела?»

Существует, Великие писатели, композиторы, художники отличаются от нас в первую очередь вовсе не умением гладко складывать слова, краски, звуки, фразы — этим умением обладает гораздо большее количество людей. Отличаются они — служением. Жизнь их определяется законом, сформулированным Баратынским: «Дарование есть поручение. Должно исполнить его, несмотря ни на какие препятствия...» По сути, жизнь каждого честного человека есть служение поступательному развитию человечества. Жизнь же Пушкина, Достоевского, Чайковского, Репина есть служение, доведенное до высшего накала, есть мука мученическая, которая покоем видится лишь обывательскому взгляду со стороны. В сердцевине этой муки — обостренная до предела совесть. Совесть, которая заставляет осознавать дар как обязательство перед людьми, как нечто такое, для чего твое собственное существование — лишь средство. Отсюда неукротимая тяга к творчеству, превосходящая всевозможные неблагоприятные обстоятельства, убийственное понимание несоответствия сделанного задуманному, готовности искупить себя до предела, наполняя жизнью свое творение. Именно этот духовный подвиг, составляющий основу существования гения — основу, определяющую все остальное, — и должен показать (и заставить нас прочувствовать) каждый автор, пишущий в биографическом жанре. Ведь собственно написание произведений занимает в жизни писателя (композитора, художника) сравнительно небольшое время, создаются же эти произведения всей жизнью — вот именно эти мелкие и незначительные (казалось бы) бытовые и семейными сценами, во взаимоотношениях с любимыми, друзьями, врагами, сослуживцами и слугами, иными словами, творчество есть процесс всепроникающий. Классики это знали — порой интуитивно, подсознательно, порой же вполне осознанно. Важно и нам суметь увидеть их бытовую, личную жизнь именно под этим углом (даже если сами они — как Тютчев, например, — не склонны были видеть в творчестве оправдание своего бытия). Тогда и в ошибках, несправедливостях, срывах, допущенных ими, увидим мы не суетные метания тела, а мучительные заблуждения ищущего духа. Были ли в жизни великих людей мысли и поступки, которых человеку следует стыдиться? Были, конечно, и не надо злорадно или почитительно отворачиваться (если уж взялся за жизнеописание), твердя о «сложном, не согласующемся с общепринятыми житейскими правилами духовном мире». Бывало всякое, но от этого только сильнее разгоралось очистительное пламя совести, в котором переплавлялся их внутренний мир. Ибо в конечном итоге, по мудрой мысли В. Шкловского, «чистота рождает поэзию». Нет чистоты, значит, нет и поэзии. А нет поэзии, «божественного глагола» — нет и жизни.

Именно с этих позиций подошел В. Есенков в своей повести «Отпуск» («Вол-

га», №№ 8—9, 1983) к воссозданию одного из кризисных этапов в жизни И. А. Гончарова. Произведению этому можно предъявить упреки по части композиции или стиля, но в нем есть главное: каждый эпизод жизни Гончарова освещен изнутри огнем творчества. И не в качестве «биографического материала» для создания образов Обломова или Захара — нет. Просто смысл всей жизни и каждого мгновения ее есть творчество. Каждодневное мучение от невозможности заняться романом (служба отнимает время и силы), втуне выработываемая творческая энергия, не находящая выхода и отравляющая все существование, ужас от осознания неспособности выполнить предназначение, реализовать свой дар, ослепительно, до слез, счастье, именуемое вдохновением, и бешеное напряжение «до последних пределов», когда необходимо найти единственно верное слово, верный образ, иначе не достигнешь до сердца читателя, и тогда все насмарку: мысли, труд, жизнь... — вот биография писателя, а отнюдь не в хронике его поездок, встреч, служебных и семейных дел. А окружающие люди, современники, занимают в повести В. Есенкова лишь такое место, какое они занимали во внутреннем мире самого Гончарова — не меньше, но и не больше (последнее свойственно многим биографам — потому что легче).

Воспроизводя личную жизнь Гончарова сквозь призму служения, и находит В. Есенков ответ на вопрос, что же имел в виду Пушкин под словом «иначе»: «И когда лира молчит, нельзя быть поэту ничтожным, и в самом сладостном сне обязан поэт уберечь себя, сохранить, соблагов, не смельчать, не изматываться в суете, не то какой там будет глагол...»

Не всем удавалось соблагов и не смельчать — те остались в истории литературы. Те, кому удалось, остались в истории человечества.

КЛАССИКИ учили нас тому, что каждый человек — это целый мир и порой «внешнее» его существование мало что говорит о жизни души. И если мы последуем их урокам, попробуем понять, что подчас и в документе — не вся правда (а бывает, правда и «за пределами фактов» — Д. Лихачев), станет ясно, что и современники великих в отношениях с ними раскрывались прежде всего глубиной, духовной своей сутью. Именно на этом уровне происходило их подлинное человеческое общение, пусть и замутнена бывала порой его поверхностная, бытовая видимость. Только так можно верно понять и оценить и сплутничать жизни великих людей, понять, что не зря, не случайно входили они в жизнь гения. Духовный потенциал — и немалый — есть ведь в каждом человеке, и в «силовом поле» гения определяющим становится именно он. Лев Толстой прозорливо отметил: «...жены наших писателей так на мужей своих похожи». Не будем даже обращаться к примеру молодой женщины и весьма заурядной (на момент знакомства с Достоевским) А. Г. Сниткиной, навек вошедшей в историю русской культуры. Но вот, скажем, о С. А. Берс можно говорить как о злом демоне, не будь которого, Толстой написал бы «Анну Каренину» или «Воскресение» лучше, чем он это сделал, но правильнее будет увидеть в ней «единственную подругу великого Льва Толстого», чья «героическая роль» и «неизменность и длительность единения с Толстым» дают ей «право на уважение всех истинных и ложных почитателей работы и памяти гения». Слова эти принадлежат А. М. Горькому, который после очерка «Лев Толстой» счел необходимым написать и «О С. А. Толстой». Можно в О. Книппер видеть недооценивавшую мужа актрису, сократившую жизнь больного Чехова, но вернее будет понять, почему каждое свидание с ней было для писателя, по его словам, «благославлением». Всякий иной подход приводит к поразительной нравственной глухоте. Вот как кончается глава о Чехове в книге «Я встретил Вас...». После неоднократных оценивающих сопоставлений смысла жизни Чехова и Книппер («Можно ли всерьез сравнивать творчество Чехова и игру актрисы, пусть и хорршую?») и упоминаний о том, что поездки к жене «сокращали жизнь писателя», подробно описана мучительная смерть Чехова в возрасте 44 лет (это подчеркивается). А затем следует заключительная фраза: «Ольге Леонардовне отлучена была долгая, долгая жизнь, — она пережила Чехова более чем на полвека и умерла в 1959 году». Можно представить, как содрогнулся бы сам Чехов, доведись ему прочесть все это.

В таком подходе к личной жизни гения — сквозь призму нравственного подвига в первую очередь — заключен ответ и на еще один важный вопрос. Часто приходится слышать скептическое суждение: написать настоящую книгу о Толстом может только человек, конгенитальный Толстому. Но история скупа на личности подобного масштаба, и если надеяться лишь на такого автора, книги о Толстом не дождешься (да и вряд ли этот «Толстой» из будущего станет писать о своем предшественнике). Сравнительно и состязаться в гениальности не стоит человеку, берущемуся за биографическую книгу о классиках. Но мерить себя той же мерой нравственных требований — а здесь уже многое, если не все, зависит от самого человека — он обязан. Тогда и сам он, и читатель его смогут по-настоящему ощутить тяжкий крест великой судьбы. Тогда Пушкин и Толстой, Тютчев и Блок станут, может, и дальше от нас (вернее, выше), но уж во всяком случае понятнее. Мы поймем тогда, что биографическая и всякую иную основу их созданий составляет не дремлющая ни секунды, беспощадная, могучая совесть. Так, и только так, можно выполнить требование Пушкина: оставив «любопытство толпе», быть «заодно с гением».